

шинства из них была весьма сомнительной. Вот, например, два документа с грифом ДСП достаточно высокого (республиканского) уровня: «Список народных комиссаров РСФСР, их заместителей и руководящих работников центральных учреждений РСФСР» (М., 1946. 14 с.), «Список председателей обл/край/исполкомов, совнаркомов АССР и горисполкомов, секретарей обкомов и крайкомов ВКП (б)» (М., 1945. 30 с.). Документы, безусловно, нужные в повседневной работе очень многих учреждений. Но что здесь секретного?

В целом дать какую-то четкую методику изучения делопроизводственных документов чрезвычайно сложно. Здесь не может быть универсальных рецептов. Каждый случай по-своему уникален и неповторим.

Делопроизводственные документы, как никакие другие, требуют изучения их в комплексе. Сам комплекс, сформированный в дело или в группу дел, может быть труден для изучения. Необходимо учитывать, как велось делопроизводство данного учреждения, по какому принципу формировалось дело, как в последующем вторгались в него архивисты-хранители, непредвиденные случайности и т. п. Делопроизводство первых лет советской власти порой велось небрежно, не все необходимое сохранялось, но все же дела не так выхолощены, как в более поздние годы, когда документы отбирались строго по номенклатуре дел, подлежащих сдаче на государственное хранение.

Для работы исследователя с делопроизводственной документацией, особенно на стадии поиска, большое значение имеет знание междисциплинарных связей: истории государственных учреждений, делопроизводства, архивоведения.

ГЛАВА 7

Статистика

1. Общая характеристика статистических источников

СТАТИСТИЧЕСКИЕ документы - наиболее сложный вид исторических источников. Английский политический деятель Дизраэли говорил: «Есть три способа обманывать людей: уклончивый ответ, прямая ложь и статистика». В то же время нет ничего убедительнее, чем добротные, надежные цифры.

Статистика - форма общественной деятельности, направленная на получение, обработку и анализ информации, характеризу-

ющей количественные закономерности жизни общества во всем ее многообразии (технико-экономические, социально-экономические, социально-политические явления, культура) в неразрывной связи с ее содержанием. В этом смысле понятие «статистика» совпадает с понятием «статистический учет». Вся информация, имеющая народно-хозяйственную значимость и собираемая путем оперативного учета, в конечном счете обрабатывается и анализируется с помощью статистических методов.

Статистика - это также и отрасль социальных наук, которая изучает общие вопросы измерения и анализа массовых количественных отношений и взаимосвязей⁴³. Исходя из этого необходимо рассматривать статистический материал как вид исторических источников, а методику их анализа и изучения - как особый раздел источниковедения XX в.

Статистика - это и количественное выражение того или иного явления, это - учет имеющегося в наличии. Каковы способы такого учета?

По выбору объекта учета это может быть единичный, отраслевой, всеобщий охват (завод - машиностроение - народное хозяйство в целом). *По ширине, глубине, разнообразию* программы бывает учет по отдельным показателям (урожайность) или по их группе, монографические описания (т. е. все стороны деятельности крестьянского хозяйства), бюджетные обследования (то же, что и монографические описания, но с включением статей доходов и расходов).

По количеству охватываемых объектов обследования бывают: выборочными (5%-е, 10%-е), массовыми или всеобщими (переписи), регулярными (отчеты), всеобщими (годовые, квартальные, месячные). *По способам выражения* учета могут формироваться абсолютные данные и относительные (т. е. в процентах).

Можно также выделить разовый временной срез, обычно на начало или на конец года, динамичный погодный ряд.

И еще: в советский период и в настоящее время существует преимущественно государственная статистика, что в огромной мере определяет ее содержание, качество, доступность.

При сравнении сведений важно, чтобы они были однотипными (например, только переписи), составленными по одинаковым или схожим программам, сопоставимыми хронологически и территориально. Можно, конечно, внося определенные коррективы и пересчет, привести к «общему знаменателю» первоначально несопоставимые материалы.

Если эти условия не будут соблюдены, то могут возникнуть мнимые противоречия источников или данные разных источников окажутся несопоставимыми.

Сбором, обработкой и публикацией данных общегосударственной статистики ведало Центральное статистическое управление РСФСР (а после образования СССР - ЦСУ СССР); с 1931 г., вместо ликвидированного ЦСУ СССР - Центральное управление народнохозяйственного учета СССР при Госплане СССР (ЦУНХУ СССР). С 1941 г. оно было преобразовано в ЦСУ Госплана СССР, а затем, после войны - в ЦСУ при Совете министров СССР. В период перестройки функционировал Государственный комитет по статистике.

Основными направлениями статистического учета в 20-30-х годах являлись:

- статистика промышленности и транспорта;
- статистика сельского хозяйства, в том числе выборочные обследования крестьянских хозяйств и крестьянские бюджеты;
- статистика народонаселения и др.

Основными статистическими изданиями являлись: Труды ЦСУ (в 20-е годы издано 35 томов); статистические ежегодники «Народное хозяйство СССР в ... году» (начиная с 1956 г.); различные тематические сборники по отраслям народного хозяйства («Сельское хозяйство СССР», «Культурное строительство СССР», «Торговля в СССР», «Печать в СССР» и др.).

Чтобы оперировать статистическими источниками, надо знать, хотя бы в общих чертах, наиболее характерные особенности развития советской статистики.

Отечественная статистика имела хорошие традиции и опыт, ведущийся от земской статистики и иных систем статистического учета XIX в. Статистика того периода по праву пользовалась уважением. Конечно, и она была несовершенна, и можно найти критику в ее адрес, например у В.И. Ленина. Но тот же Ленин использовал ее данные и до революции, и после нее.

Приведем любопытный пример с балансовой статистикой. В ноябре 1919 г. в работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин привел данные о потреблении хлебов в 26 губерниях Советской России. Источником служили материалы первых в отечественной статистике натуральных балансов хлебофуражных и мясных продуктов, составленных сотрудниками ЦСУ по данным за август 1918 г. - июль 1919 г.

Какими сведениями располагало ЦСУ для проведения такой масштабной работы? В 1918 г. местные статистические органы собрали сведения о размерах урожая в большинстве губерний. Не были получены данные лишь из мест наиболее ожесточенных военных действий (Самарская и Оренбургская губернии, Уральская область, часть Курской губернии). Наркомпрод предоставил сведения из каждой губернии о хлебных заготовках. Они были пол-

ны лишь в отношении производящих губерний, по потребляющим же наркомпрод преуменьшил размеры заготовок. Транспортная статистика позволила определить размеры переброски хлебных грузов наркомпродом из одних губерний в другие и в ряде случаев дополнить данные о размерах заготовок.

Таков был круг прямых фактических сведений. Они не давали ответа на многие важные вопросы, решить которые должен был хлебофуражный баланс. И уж тем более на их основе нельзя было сопоставить баланс мясных продуктов.

Поэтому А.Г. Михайловский, руководивший составлением балансов, вынужден был восполнить недостающие сведения путем исчислений, используя материалы 10%-й выборочной переписи крестьянских хозяйств за 1919 г., а также материалы обследования питания городского населения, проводившихся под руководством А.Е. Лосицкого. Кроме того, были использованы данные дореволюционной статистики.

Таким образом, смысл работы состоял в получении недостающих сведений путем их исчислений по различным косвенным показателям. Не вникая в сущность предпринятых исчислений, лишь отметим, что наиболее сложно оказалось оценить размеры нелегальной хлебной торговли, игравшей в то время большую роль в снабжении населения продовольствием.

Историк Ю.П. Бокарев в конце 80-х годов предпринял пересчет хлебофуражного баланса за 1918/19 г., применив математические методы. При этом дополнительно он использовал те сведения, которые не были известны сотрудникам ЦСУ (в частности, материалы бюджетного обследования крестьянских хозяйств 1918/19 г., разработка которых в 20-е годы была не завершена). Результаты пересчета разрешили все сомнения относительно достоверности прежних данных. Эта проверка еще раз подтвердила общее мнение о добротности отечественной статистики того времени.

Сохранявшаяся преемственность какое-то время обеспечивала надежность статистики 20-х годов. Однако уже тогда обнаружились и негативные явления, порождаемые всецело советским режимом, которые искажали картину развития общества.

Прежде всего дала сбой социальная статистика. Нэп вызвал оживление хозяйственной жизни деревни. Эти позитивные процессы неизбежно вызвали рост зажиточных слоев населения. Руководство страной было обеспокоено: куда идет деревня? Не опасен ли рост зажиточных элементов?

Вот здесь-то в полной мере обнаружилась непригодность для этих целей прежней статистики. (Кстати, раньше перед ней никогда такие задачи не ставились.) Она могла лишь приблизительно

и довольно условно вывести классовую группировку деревни. Выступившие с экспериментальным обследованием сотрудники Комкадемии Л.Н. Крицман, А.И. Гайстер, И. Верменичев и другие пытались найти такую группировку данных, которая бы их вывела напрямую к социальным процессам, происходившим в деревне, и давала бы ответ на вопрос, как далеко зашла классовая дифференциация и опасна ли она.

Однако успех не сопутствовал экспериментаторам. Более того, полученные данные явно преувеличивали уровень капитализации деревни. Не исключено, что они в известной мере дезориентировали руководство страной и подхлестнули форсирование продвижения по «социалистическому» пути развития, что означало насильственную массовую коллективизацию.

Неприятные сюрпризы готовила и экономическая статистика. До 1925 г. статистика исчисляла развитие промышленности приблизительно так же, как это делают по сей день в большинстве стран: данные о производстве продукции в натуре за предшествующий год сравниваются с теми же сведениями за год последующий. Но видов продукции много - например, в СССР в 80-е годы их было около 24 млн. Ясно, что в разумный срок немислимо слить выпуск их всех. Для сравнения берут лишь малую часть видов, но непременно таких, которые удовлетворительно характеризуют общий темп развития индустрии. В этом смысле отличный измеритель - производство электромоторов в штуках и суммарной мощности. Коль скоро это основной тип двигателя в промышленности, можно смело предположить: выпуск техники для индустрии увеличился не в большей степени, чем приросло производство моторов. Обычно достаточно взять несколько десятков, в крайнем случае, несколько сотен подобных ключевых продуктов, чтобы давно известными статистическими методами вывести общий темп развития промышленности. Расчет осуществляется сначала в штуках, тоннах, метрах и других физических единицах. Затем итог выражают в строго сопоставимых ценах. Полученный результат поэтому и называют индексом физического объема промышленной продукции. Если, например, индекс нынешнего года по сравнению с прошлогодним равен 1,06, то это значит, что объем производства возрос в 1,06 раза, или, что то же самое, на 6%. Так было в начале 20-х годов.

Ситуация стала меняться по мере централизации управления и внедрения планового начала. Предприятиям стали задавать директивный план, в том числе и по общему объему производства, и значит, отчет о его исполнении. В отчет попадала вся без изъятия продукция. По сумме заводских отчетов исчислялся общий темп развития. На первый взгляд, этот способ счета, был точнее -

учитывались уже не отдельные продукты выборочно, а все изготовленные. Очень скоро, однако, выяснилось, что в отчетах искажаются показатели. В 1926 г. председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский заявил: «Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, они фантастичны. Та отчетность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное вранье... При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно»⁴⁴.

В чем заключался парадокс? Учет шел теперь не в натуральных единицах, как прежде, а в рублях: задание заводу по общему объему производства иначе, как по стоимости, нельзя выразить. В этом случае отчет достоверен при двух условиях: оптовые цены* неизменны, номенклатура продукции тоже. Но это невозможно, так как происходил бы застой в экономике, а во второй половине 20-х годов началось быстрое обновление продукции. Новый способ оценки становился все менее достоверным.

Однако ничего не менялось: оптовые цены росли, ежегодный рост их измерялся уже двухзначной цифрой. В годы первой пятилетки стремительно обновлялся ассортимент продукции, возникали новые отрасли индустрии - идеальная почва для роста цен.

Ситуации возникали одна парадоксальнее другой. Так, производительность труда на одном из крупных машиностроительных заводов в Одессе поднялась за год по отчетным ценам на 90%, а если исключить рост оптовых цен - то на 10%.

Все это создавало неразбериху. Центральное управление дорожного транспорта о работе отрасли в 1930 г. сообщало: «Сколько фактически перевезено - точно неизвестно... Надо признать со всей откровенностью, что мы не знаем, каким хозяйством мы руководим».

Положение усугублялось из-за постоянной перестройки органов статистики. В 1919 г. был ликвидирован ЦСУ РСФСР, остался лишь отдел в Госплане. Но доверия к статистическим данным не прибавлялось. Напротив, уже не только стоимостным, а и натуральным показателям нельзя было верить. В колхозах и совхозах собранным зерном нередко считалась запланированная цифра, в лучшем случае так называемый биологический или видовой урожай, или, как его еще называли, урожай на корню.

Отчет в натуре стал недостоверным и в промышленности. Развал статистики негативно влиял на экономику. На исходе 1931 г. стали приниматься спешные меры. Было создано, как мы уже ска-

---

*Оптовые цены в СССР существовали в двух видах: 1) оптовая цена предприятия, равная плановой себестоимости плюс чистый доход предприятия; 2) оптовая цена промышленности включала в себя оптовую цену предприятия плюс и ту часть централизованного чистого дохода государства, которая выступала в виде налога с оборота.

зали, ЦУНХУ СССР. Оно, правда, еще входило в состав Госплана, но обладало известной автономией. Главой ЦУНХУ был назначен Н. Осинский. Он объявил войну искажениям информации. Элементарный порядок в цифрах новое руководство стало наводить незамедлительно. 8 января 1932 г. было принято решение об уголовной ответственности за предоставление неверных сведений о выполнении планов. Несколькими днями ранее Совет Труда и Оборона издал постановление «О порядке исчисления себестоимости промышленной продукции». Высшие органы государственного управления стали заниматься статистикой.

Качество экономической информации заметно улучшилось: столь грубых искажений, как в 1930-1931 гг., уже не допускали. При Осинском ЦУНХУ вновь стало исчислять продукцию строительства в неизменных ценах, прошла перепись оборудования. Но для коренных перемен в статистике нужны были усилия гораздо более влиятельных органов, чем ЦУНХУ. Однако в 1935 г. Осинского сняли с должности, а через два года были арестованы почти все его ближайшие сотрудники. Качество информации сразу надолго ухудшилось. Некоторые экономисты продолжали настаивать, что надо считать продукцию в неизменных ценах, а для этого требовались индексы цен, т. е. цифры их ежегодных изменений (тогда легко считать и истинные размеры производства). Идея была превосходная, только индексы считать оказалось невозможно - статистика оптовых цен была ликвидирована.

Попытки перейти к исчислению объема продукции и производительности труда в последующие годы успеха не имела. Афоризм Ильфа и Петрова «статистика знает все» не срабатывал. Увы, статистика знала далеко не все. Или знала в искаженном виде.

Сейчас легче, пожалуй, назвать отрасли народного хозяйства, в которых отчетность искажалась ненамного или не искажалась вовсе. До недавнего времени образцом в этом смысле был железнодорожный транспорт, так как объемы перевозок легко проверяются весом продукции, произведенной в стране. Да и осуществить приписки трудно, зато выявить их просто. К тому же в этой отрасли с XIX в. действуют традиции добросовестной статистики.

В промышленности достоверны данные о производстве электроэнергии. Учет киловатт-часов автоматизирован, и трудно представить, как можно исказить эту информацию. Достаточно объективны сведения и производстве черной и цветной металлургии, в промышленности строительных материалов.

Отчего же в одних отраслях ситуация благополучная, а в других отчеты проверить невозможно? Узнать это важно и для целей исторического исследования, и для управления народным хозяйством. Тем самым задачи источниковедения выходят за рамки

этой дисциплины и переходят в проблемы, стоящие перед экономической статистикой. Поэтому историк-исследователь должен обладать экономическими знаниями.

Обобщающим показателем производства в промышленности, и не только в ней, служит объем продукции в рублях. Живучесть этого показателя понятна: чтобы определить общий объем произведенной продукции за год или за месяц, надо всю продукцию привести к общему знаменателю. Различные виды произведенной продукции удобнее всего суммировать через стоимостные показатели, ибо других измерителей, кроме денег, не существует.

Когда план выполнить либо трудно, либо вовсе невозможно, недостающий объем в рублях набирают двумя способами: прямыми приписками (приписываются штуки, тонны, метры и пр.) или повышая цену каждой единицы продукции. Первый путь уголовно наказуем, гораздо проще и безопаснее второй. В машиностроении ассортимент продукции быстро меняется. На новый вид продукции устанавливают разовые и временные оптовые цены. Не составляло труда назначить любую цену. И цены росли быстрее, чем улучшались потребительские свойства продукции. Приписка и игра ценами - наиболее очевидные способы искажения информации.

Даже весьма приблизительные подсчеты показывают, что общая величина искажений была велика. Например, по ежегодникам «Народное хозяйство СССР» продукция машиностроения за 1956-1975 гг. в стоимостном выражении возросла в 9,3 раза. Но если взять выпуск тракторов, автомашин, вагонов, дизелей, электромоторов и еще ряда других изделий в штуках либо в других натуральных измерителях (всего взято 48 видов продукции), то рост составил 4,2 раза, т. е. намного меньше, чем в стоимостных единицах. Расчеты более тонкими методами (примерно по сотне видов машин и оборудования) убеждают, что в 1976-1983 гг. разрыв между показателями углубился: в физических единицах производство техники возросло на 9%, а при исчислении в рублях - на 75%. Официально признан только второй показатель, по нему и судят о темпах развития машиностроения. Темп, конечно, великолепный, не ясно лишь, куда запропастились колоссальные прибавки производства. Ответ как раз и дают расчеты по натуре: речь идет о машинах, которых не было⁴⁵.

Создавать видимость всевозрастающего производства товаров и услуг, неуклонно, из года в год, перевыполняемого плана удавалось с помощью самых удобных, легальных приписок к цене на те или иные виды продукции. Эти приписки были ориентированы на выполнение и перевыполнение плановых заданий, на наращивание учитываемых объемов производства. Последнее зависит от двух параметров: количества и стоимостного выражения (цены)

продукции. В опыте минлегпрома это выразилось в выпуске товаров с индексом «Н» - новинок «улучшенного качества».

Цены повышались даже и на формально не улучшенные товары. Повышению среднего уровня товарных цен способствовало также вымывание дешевого ассортимента, ухудшение качества товаров, завышение сортности, принудительно навязанные населению «прогрессивные» сдвиги в товарообороте и т. д. Не мудрено, что при перевыполнении плановых объемных показателей потребление на душу населения постоянно было ниже рекомендуемых наукой норм потребления, ситуация неуклонно ухудшалась,

«Производство фиктивных стоимостей» активно велось во всех отраслях экономики. В результате с 1970 по 1985 гг. доля ценового фактора в приросте товарооборота составила половину, а средние розничные цены выросли на 35%⁴⁶.

Механизм приписок вскрыть непросто. Один из способов фальсификации с помощью повторного счета раскрывает в своей книге экономист Д. Валовой «Экономика в человеческом измерении» (М., 1988). Анализируя структуру валового общественного продукта в 1965, 1975 и 1985 гг. он пришел к выводу, что в 1985 г. «воздушный вал» составил 39,2%. «Воздушный вал» - это увеличение показателей путем повторного счета. Например, сделали ткань - ее стоимость подсчитали, сшили пальто - подсчитали стоимость ткани второй раз, пристегнули меховой воротник - стоимость ткани учтена уже в третий раз.

2. Статистика сельского хозяйства

Статистика начала 30-х годов явно фальсифицирована. Известно, что с 1933 г. данные о производстве зерна в результате манипуляций с методикой стали заведомо преувеличиваться.

Размеры фальсификации видны на следующем примере. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. в докладе Сталина говорилось о том, что в 1933 г. было произведено 89,8 млн тонн зерна. В конце 80-х годов Госкомстат СССР оценивал производство зерна в 1933 г. в 68,4 млн тонн, а за более ранние годы цифры публиковались прежними. И, судя по ним, никакого неурожая в 1932 г. не было. В юбилейном статистическом ежегоднике повторены старые цифры. Для 1932 г. - 69,9 млн тонн, что на 0,4 млн тонн больше урожая зерновых 1931 г., и, напротив, для 1934 г. Госкомстат давал цифру на 2,3 млн меньше по сравнению с 1932 г.⁴⁷

Фальсификация объемов производства зерна основана на манипуляциях при подсчете урожайности. Урожайность, т. е. количество растениеводческой продукции, получаемой с единицы площади (с 1 га или кв. м), в разные годы исчисляли по-разному.

В сталинские времена показатель урожайности определялся по биологическому состоянию посевов: до начала уборки члены государственных комиссий объезжали поля и оценивали урожай, как говорится, на корню. Технология такой оценки выглядела примерно так: присланный в колхоз учетчик выбирал участок размером и квадратный метр, затем собирал все колоски на нем, взвешивал зерно из них и вычислял урожай. Не трудно понять, что на основе такого подсчета истинная урожайность, т. е. амбарная, всегда оказывается намного меньше биологической.

Этот метод может всячески видоизменяться, но это уже будет фальсификация производного от главного. Допустим, учетчик может выбрать участок наугад, или если хочет помочь председателю изменить урожайность, то похуже или получше. В своем «совершенствовании» сам «метод» упрощался до того, что урожай уже определялся просто «на глазок».

На основании таких исчислений выводился урожай года по районам, областям, по стране в целом. И всегда он оказывался выше фактического намолота. Правда, платили людям не за биологический урожай, а лишь за намолоченные пуды, и потому материальных потерь государство не несло, если не считать, во что обходилось содержание многолюдных государственных комиссий.

Идея исчисления валовых сборов зерна на основе биологической урожайности возникла в 1931-1932 гг. С 1933 г. она стала осуществляться на практике и официальная статистика фиксировала именно такую урожайность. При этом учитывались возможные потери при транспортировке, сушке, очистке зерна. С 1939 г. эти потери в расчет уже не принимались.

Подобная методика существовала до середины 50-х годов. В 1957 г. в статистическом сборнике ЦСУ СССР «Народное хозяйство в 1956 г.» впервые были опубликованы данные по валовому сбору зерновых и технических культур за 1951-1956 гг. (в процентах к 1950 г.) как амбарный урожай.

В конце 50-х годов Центральная государственная комиссия пересчитала все показатели предыдущих лет на амбарную урожайность, т. е. на величину, характеризующую реальный объем зерна, заложенный на хранение⁴⁸. При этом обнаружили весьма существенные расхождения с прежними показателями, основанными на биологическом методе. Так, в 1933 г. согласно биологическому методу по сравнению с 1932 г. валовые сборы выросли на 200 млн центнеров. На самом же деле урожайность была ниже приблизительно на 30%. В 1935-1937 гг. разрыв между биологической урожайностью и амбарной составил 20-22%, с 1939 г. он стал еще большим.

Казалось бы, учет производства зерна по амбарной урожайности наконец-то наводил порядок в сельскохозяйственной статистике. Однако на практике внедрялась еще одна хитрая и таинственная, категория учета: с 60-х годов в различных материалах возникает такое понятие, как бункерная урожайность. Именно ею отчитывался комбайнер, т. е. количеством зерна, которое он погрузил в машину за смену. Иным способом он не мог отчитаться. Все зависело от честности комбайнера и водителей. Но выгруженный из бункера в грузовик урожай содержал и зерно, и семена сорняков, и мякину. Кроме того, выгруженная масса почти всегда имеет повышенную влажность, а при дождливой погоде она превышает норму более чем на 10%. В целом же разница между бункерным и фактическим весом зерна может достигать 25-30%!

Конечно, комбайнер мог отчитываться только так. Но когда по бункерному весу стали отчитываться колхозы - сначала на различных совещаниях и в рапортах, а затем уже и в официальных отчетах, то это было уже явной липой, так как при подобном учете не фиксировались потери при транспортировке, сушке зерна и его очистке.

Из года в год разница между бункерным и фактическим весом зерна росла, создавая видимость роста продуктивности полей. И в этом оказалось много заинтересованных лиц: все звенья агропрома, районное, областное и более высокое партийное руководство. Да и самим механизаторам, специалистам и руководителям колхозов и совхозов учет бункерного веса приносил не только моральные поощрения, но и материальные блага.

На практике каждое хозяйство, составляя промфинплан на очередной год, записывало, сколько зерна намерено получить. Там же расписывался весь расход: продажа государству, на семена, на корм скоту. И все расчеты велись как бы по чистому зерну. Эти цифры вписывались и в принятые сообразительности. Но в зачет плана шел бункерный вес зерна с мусором. Таким образом, по документам проходили два веса, причем зачастую без обозначения, где какой. Так как же разобраться? Ведь авторы такой документации не поясняли различий! Здесь впору работать не источниковеду, а ревизору или органам милиции, когда сталкиваешься с документами советской эпохи. Единственным критерием, помогающим сориентироваться, вероятно, следующий: там, где речь идет об интересах предприятия, вес наверняка приводится чистый, в тех же бумагах, где делался отчет государству - там, скорей всего, липа.

Но не только сельскохозяйственная статистика, а статистика в целом не отвечала своему назначению. О состоянии статистики начала 50-х годов и о том, как она «изготавливалась», рассказал журналист Л. Стреляный. К докладу Н.С. Хрущева сентябрьскому

(1953 г.) пленуму ЦК КПСС требовались данные о состоянии экономики страны, и поэтому вызывали начальника ЦСУ Старовского, готового, как вспоминает помощник Хрущева, сделать из нуля единицу.

«Владимир Николаевич! Вы сегодня эту цифру уже четвертый раз исправляете.

- Но я же в лучшую сторону меняю!
- Мы не собираемся хвалиться нашими достижениями. Нам самим надо все точно знать.
- Понял вас! - мелкими шажками первый статистик государства пятился к двери, чтобы на следующий день прибежать с новой еще раз повышенной цифрой»⁴⁹.

Так продолжалось годы. Создавалась видимость могучего государства, богатой страны. Кто-то сочинил шутку, похожую на правду: ЦСУ и ЦРУ работали на одно - создавали видимость могущественной державы.

3. Статистика народонаселения

Перепись населения - это один из массовых государственных источников, который отражает состояние общества. Выполняя одну из важнейших функций - организацию жизни общества, государство в лице различных учреждений и ведомств ведет постоянный учет определенных категорий населения. Кроме того, государство пользуется также временными массовыми источниками, одним из видов которых являются периодически проводимые переписи населения.

Перепись населения, проводимая и финансируемая государством, обладает определенными заданными свойствами. Информация, которую с помощью переписи должны получить в течение короткого промежутка времени, содержит ответы на многие вопросы, прежде всего необходимые для удовлетворения информационного фонда государства. Следовательно, на составление анкеты-опросника - этого основного первичного исходного документа - влияет ряд факторов: тип государства и тип политической системы, традиционные и приоритетные информационные заказы государства, структура общества, принципы ведения переписи и др.

Государство формулирует весь информационный заказ в общем виде, т. е. не абсолютно все вопросы, по которым желательно было бы получить ответ, а их категории. Например, перепись населения должна содержать ответы на следующие категории вопросов: о национальности, жилищных условиях, общественном положении и т. д. Чтобы получить объем информации, способ-

ной дать ответ на заданные категории вопросов, в основу ее проведения кладутся определенные принципы.

В отличие от прежних переписей, в которых учитывалась выборочная часть населения или отдельные сословия, современные переписи всеобщи. Это *первый* и важнейший принцип. *Второй* принцип - единство программы, т. е. сведения собираются обо всех жителях страны в одно время. В дальнейшем при обработке собранные сведения обезличиваются и используются только в обобщенном виде. Это - *третий* принцип.

Все сведения получают непосредственно путем опроса каждого взрослого лично по их самоопределению. Человек является источником информации о себе, а не комплекс различных постоянных документов о нем. Это - *четвертый* и *пятый* принципы.

Последний, *шестой*, принцип заключается в том, что работникам, проводящим переписи, запрещено сообщать кому бы то ни было содержание собранных предварительных сведений, записанных в переписных листах. Таким образом, перепись не затрагивает ни личных, ни имущественных прав и интересов конкретных граждан.

Исходя из принципов осуществления переписи и категории вопросов, строится анкета-опросник, в которой каждая категория вопросов представлена одним или несколькими вопросами анкеты, а их количество определяют заложенные в ней принципы.

Перепись населения дает уникальную возможность собрать о каждом человеке совокупность заранее намеченных признаков на единый хронологический срез. В этом ее главное преимущество перед другими массовыми статистическими источниками. Перепись даст одновременный «сколок» общества, причем очень высокой степени достоверности.

Одна перепись, безусловно, статична, но несколько переписей дают возможность выявить динамику развития общества и результаты социально-экономических процессов, связанных с проблемами народонаселения. Правда, эта динамика рассматривается на протяженности десятилетий, так как между переписями проходит в среднем десять лет, но с помощью определенных выборочных опросов, математических подсчетов-прогнозов можно с большой степенью точности выявлять, изучать и прогнозировать различные демографические процессы.

Переписям, разумеется, свойственны недостатки. Так, программа переписи 1926 г. была наиболее полной по сравнению со всеми другими. Тем не менее изучение народов гигантской страны, живших в капиталистической, феодальной и родовой формациях, по единой, пусть и весьма обширной программе, неизбежно смазывало картину, как бы подтягивая отсталые в социально-

экономическом отношении народы к уровню передовых и численно преобладающих, поскольку программа переписи, в конечном итоге, ориентирована именно на них. Разница в эпохах по переписи выглядит всего лишь разницей в тех или иных показателях. Огромная роль патриархального уклада в социально-экономической жизни народов Средней Азии, Сибири, Кавказа, неуловимая статистически, тем более путем проведения демографической переписи, усиливает условность данных 1926 г. Последующие переписи сохранили эту особенность.

Остановимся на некоторых *особенностях использования переписей населения.*

Прежде всего при работе с переписями исследователь никогда, в отличие от работы с другими источниками, не имеет дела с первичным массивом данного источника, т. е. с самими анкетами. Это юридически запрещено и вытекает из принципов проведения переписи. Он всегда изучает вторичную, обработанную и обобщенную информацию, у него нет возможности изучить анкету конкретного человека. Но это компенсируется следующими факторами: во вторичной информации содержится анализ всего массива источника, в этом смысл переписи. Вторичная информация представляет собой первичный анализ данных переписи по одному из признаков, их совокупности или по всем признакам. Существует перечень таблиц, диаграмм и прочих схем, содержащих комбинации этих учетных признаков. В них переводится первичная информация, которая была заключена в массиве анкет переписи.

Государство, монополично владея первичной информацией, окупает это тем, что проводит первичный анализ данных, конечно, для своих нужд. Здесь, кстати, уместно заметить, что любой массовый источник без первичной обработки его данных мало о чем говорит исследователю.

Информация, заключенная в переписи, так велика, что вторичная информация тоже представляет определенный массив в виде сводных таблиц, диаграмм и пр. Массив вторичной информации разбит на категории вопросов, которые, как известно, формулирует государство. Категории этих вопросов и являются ключом к работе с массивом. Всю вторичную информацию охватить невозможно, да и не нужно. Более того, это логически неразрешимо, потому что эта информация отражает различнейшие аспекты жизни общества, часто далекие друг от друга. Исследователь пользуется информацией лишь одной категории вопросов. Редко изучаются несколько категорий вопросов - здесь более подходит метод изучения частей различных категорий вопросов и порою необходима помощь ЭВМ.

подавляющая часть информации переписи содержит гриф «Для служебного пользования», часть, очень маленькая, - публикуется. После определенного времени информация сдается в ведомственный архив, а потом - в государственный (РГАЭ), но доступ к ней тоже ограничен.

Считается, что после Октябрьской революции в нашей стране было проведено семь переписей населения - в 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Но была еще перепись 1937 г., итоги которой не были признаны, поэтому следует обратить на нее внимание.

Когда подвели ее первые итоги, оказалось, что они сильно разошлись с ожидаемой численностью (170 млн) населения. Цифра, отражающая численность населения, была широко известна, неоднократно повторялась в печати. Произошло то, чего статистика опасалась еще в 1934 г.: тогда на XVII съезде партии Сталин предсказывал, что численность населения страны в конце 1933 г. будет 168 млн.

Статистика населения в те годы не отличалась точностью: в ее основу клались устаревшие данные переписи 1926 г. с приложениями расчетного характера и с поправками на основе отрывочных сведений о движении народонаселения. Акты гражданского состояния регистрировались нечетко. Наконец, в 1934 г. более четверти населения вообще не были учтены. В этих условиях при определении численности населения приходилось прибегать к прикидкам, и они всегда тяготели к максимуму. Сталинская цифра в 168 млн есть результат самой грубой прикидки. В 1926 г. в СССР проживало 147 млн человек. Считалось, что каждый год население увеличивалось на 3 млн, следовательно, за семь лет оно должно было увеличиться на 21 млн, и в итоге в конце 1933 г. в стране должны были жить 168 млн человек.

Привлекает внимание странное обстоятельство. Все публикации ЦУНХУ о численности населения обрываются данными на начале 1933 г. - 165,7 млн человек. Эти цифры повторялись во всех справочниках до переписи 1937 г. А цифра 168 млн не встречается нигде, так как статистики не давали ее Сталину. Да это было и невозможно: что будет, когда пройдет перепись? Ведь говорить о росте населения к 1933 г. - заведомая ложь. Ныне известно, что огромное количество смертей в те годы было сокрыто. Но даже тогда статистики знали истинное положение дел.

...1932 г. на юге страны оказался неурожайным, как следствие разразился сильнейший голод. Подлинные масштабы бедствий неизвестны. Исследований советских историков-демографов до сих пор не существует. Зарубежные советологи считают, что в период коллективизации были уничтожены 13 млн крестьян, в том числе более 7 млн умерли от голода. Однако эти цифры вызвали

критику даже в англо-американской печати. Достаточно убедительно было показано, что в основу проведенных расчетов легло использование «темных источников», «ничем не оправданные интерпретации». По более объективным данным историков Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, демографов Б. Андерсон и Б. Сильвера, число жертв голода составило 3-4 млн человек. Согласно последним данным отечественных историков, голод 1932-1933 гг. унес 7-8 млн человеческих жизней⁵⁰.

Таким образом, к трудностям периода индустриализации и коллективизации, которые с начала 30-х годов резко снизили рост населения, добавились тягчайшие последствия голода 1932 г.

Как же все это отразилось на народонаселении? Здесь, видимо, уместно привести одно из определений статистики, правда, довольно мрачное и циничное, но меткое: «Если погиб один человек - это трагедия, если миллионы - это статистика».

В данном случае речь действительно идет о миллионах. Но это не только цифры, это наша национальная трагедия. По расчетам советского демографа В.Ц. Урланиса численность населения на 1 апреля 1933 г. составляла 158 млн человек, что на 10 миллионов меньше цифры, которую приводил Сталин в 1934 г.

И перепись 1937 г. подтвердила эти цифры. Перепись планировалось провести в декабре 1937 г. На ее проведение отводилось пять дней в городе и семь дней - в деревне. Подготовленный руководителем переписи О.А. Квиткиным проект программы учитывал накопленный опыт проведения переписей. Однако не все предполагавшиеся вопросы вошли в окончательную программу. Так, планировалось включить вопросы о месте рождения и продолжительности проживания, намечен был сбор подробных данных о семьях.

Но в конце апреля 1936 г. Совнарком принял новое решение о переписи. Срок ее проведения был перенесен на начало января 1937 г. Перепись должна, была быть проведена в один день, что создавало чрезвычайно напряженный ритм работы. В переписной лист было включено лишь 14 вопросов. И среди них единственный раз в истории советской статистики появился вопрос о религии. В 1920 г. вопрос о вероисповедании был исключен из программы первой послереволюционной переписи. Не известно, кто же включил его в переписной лист 1937 г. Есть все основания считать, что инициатива исходила не от статистиков.

Итак, перепись 1937 г. не подтвердила цифру 168 млн. Вскоре были арестованы те, кто отвечал за организацию переписи. На них обрушились чудовищные обвинения. Утверждалось, что перепись была проведена с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а ее итоги лживы.

Какова же точность цифр, полученных в тех трудных условиях? По одним оценкам размер недоучета в 1937 г. составил 0,33%. Но если даже он и был выше в три раза, тогда речь может идти о 1;7 млн человек, в то время как разница между ожидавшейся цифрой в 170 млн человек и оценкой в 163,8 млн, опубликованной ЦСУ в 60-е годы, составляет 6,2 млн.

Организаторов переписи обвиняли в недоучете населения, прежде всего по Украине и Казахстану. Но проведенная в январе 1939 г. новая перепись показала, что в Казахстане население увеличилось только на 1 % по сравнению с 1926 г. Для Украины расчеты показывали примерно такое же увеличение как раз к началу 1937 г. Все это говорит о том, что данные переписи 1937 г. должны рассматриваться как серьезное статистическое свидетельство.

Что же было потом? Цифры якобы показывают прирост населения в 1937 и 1938 гг. на 3 млн ежегодно. Но до переписи 1937 г. данные о смертности заключенных не попадали в ЦУНХУ. И практика следующей переписи не была изменена. Возникает вопрос: не было ли двойного счета, а значит, и преувеличения в численности населения по переписи 1939 г.? Ведь эта перепись как раз и показала ту цифру, которая не получалась в 1937 г., - 170 млн человек в государственных границах тех лет.

Публикация демографической статистики. С тех пор как был издан единственный за послевоенные годы статистический сборник, целиком посвященный демографической проблематике (ЦСУ СССР. «Население СССР: Статистич. сб.» М., 1975), информация о численности, составе и движении населения стала появляться только в ежегодниках ЦСУ («Народное хозяйство СССР в... году») и ежемесячном журнале «Вестник статистики». О ее недостаточном объеме свидетельствует хотя бы тот факт, что в ежегодниках «Народное хозяйство СССР» раздел «Территория и население» редко насчитывает более 30 страниц. Характерно, что с 1972 г. ЦСУ СССР перестало предоставлять информацию о младенческой смертности, сведения о которой вскоре исчезли со страниц республиканских статистических ежегодников. В 1972 г. были опубликованы последние (да и то сокращенные) таблицы смертности и средней продолжительности жизни, в 1975-1976 гг. в последний раз появились в печати повозрастные коэффициенты смертности. Естественное движение, таким образом, свелось к рождаемости.

Что касается публикации переписей населения, то сложилась такая картина: перепись 1937 г. была аннулирована, перепись 1939 г. якобы из-за начавшейся вскоре Отечественной войны не удостоилась отдельной публикации, и ее результаты пригодились только в сопоставлении с итогами других переписей. Таким обра-

зом, были опубликованы итоги лишь пяти всесоюзных переписей (1920, 1926, 1959, 1970, 1979 гг.).

Весьма выразительны данные об общем объеме опубликованной по переписям информации и времени, которое потребовалось на ее исследование. Так, предварительные и краткие итоги переписи 1926 г. были опубликованы в 13 выпусках в течение трех лет, а окончательные и полные - в 56 томах - к 1933 г., т. е. в течение семи лет. Переписи 1959 г., кроме двух небольших сборников, были посвящены 16 томов. На ее издание ушло около четырех лет. Несколько скромнее выглядят итоги переписи 1970 г. Издание продолжалось тоже четыре года, но вся перепись вошлась в семь томов и в две брошюры. Что касается переписи 1920 г., то ее предварительные итоги в пяти тонких выпусках были изданы уже в 1921 г., а окончательные - в 1926 г. По объему информативного материала ее превзошла перепись 1979 г., итогам которой посвящен единственный том, вышедший в свет спустя пять с половиной лет. Его объем в 7,6 раза меньше общего объема переписи 1959 г., в 6,7 раза - 1970 г., в 31,3 раза - 1926 г. и только на 19% больше объема итогов первой советской переписи!⁵¹

4. Проблемы использования демографической и иной статистики

В 70-е годы информационные возможности демографической статистики по сравнению с 20-ми годами уменьшились в 50 с лишним раз. При этом качество данных ухудшилось.

Искаженность нашей статистики такова, что английский исследователь А. Безансон по этому поводу заметил: «Публикуемые цифры должны восприниматься не в их арифметическом, а в их политическом значении». И далее он делает весьма мрачный вывод: «Королева Вильгельмина говорила о Наполеоне III, что тот так изолировался, что нельзя принимать за истину даже полную противоположность того, что он говорит. Ее слова должны стать девизом каждого, кто берется за интерпретацию советских источников, особенно содержащих цифровые данные. Здесь мы имеем дело не с искажением реальности путем преувеличения или преуменьшения и не с псевдореальностью, от начала до конца сфабрикованной и не имеющей никакого отношения к подлинной действительности. И то, и другое предполагало бы знание этой подлинной реальности, что кажется в высшей степени маловероятным... Советские цифры ложны, но даже если бы они были правильными, то не стали бы от этого менее ложными, поскольку между ними и реальностью нет никако-

го соотношения, далее того, которое имеется между правдой и ложью»⁵².

То же находим и у американского демографа Д. Вересова: «...Я давно знаю, что ложью в советской статистике, в том числе и демографической, пропитана чуть ли не каждая цифра»⁵³.

Неужели все так безнадежно? Действительно, есть основание согласиться с наблюдениями иностранцев. Однако следует ли опираться на их мнение, особенно в демографической статистике?

Наша демография как наука, разбитая в свое время, не может никак восстановиться. Выступая по телевидению весной 1988 г., академик Л.И. Абалкин говорил, что на этом выбитом направлении мы испытываем большие трудности из-за отсутствия специалистов. На Западе же нашей демографией интересовались всегда, и не просто интересовались, а тщательно изучали. Именно иностранцы, а не мы первыми начали подсчитывать размеры человеческих потерь от коллективизации и голода 1932 г.

Поэтому вновь обратимся к Вересову. Он писал: «Но ложь, какой бы упорной и злостной она ни была, не исключает, на мой взгляд, возможности докопаться до истины. Тут я не могу стать на точку зрения А. Безансона, считающего бесполезной любую попытку корректировать цифры, поставляемые советской статистикой. Я проявил бы непростительную наивность и совершил бы грубейшую ошибку, если бы счел точной и не требующей проверки каждую официально сообщенную цифру о составе и движении населения СССР. Столь же наивным и ошибочным было бы, по-моему, убеждение, что в совокупности они не складываются в ясную картину, а в их динамике не находят своего отражения те или иные процессы.

Даже пробелы в советской государственной статистике имеют немалое познавательное значение. Именно они оказываются первыми сигналами, приковывающими внимание независимого исследователя. Заметив исчезновение в очередном сообщении ЦСУ того или иного прежде публиковавшегося показателя, он сразу же видит набравшую на советское демографическое небо тучку и догадывается, откуда начинать поиски скрытой истины. В демографической статистике многие явления и процессы, следовательно, и отражающие их цифры, взаимосвязаны. Невозможно поэтому скрыть истину путем замалчивания одного показателя даже на протяжении нескольких лет. С большей или меньшей точностью он определяется по указующим на ту или иную тенденцию количественным характеристикам того же явления в прежние годы или по другим показателям данного года»⁵⁴.

Цитата длинная, но чрезвычайно содержательная и полезная с точки зрения источниковедения. Во-первых, здесь говорится о

необходимости критического отношения к любой официальной цифре. И в этой связи приведем сделанное в 1978 г. заявление начальника ЦСУ Азербайджана С. Абасалиева, в котором отстаивается совершенно противоположная позиция. По поводу серьезных претензий прокурора республики относительно крупномасштабной антигосударственной практики Абасалиев ответил: «У нас не допускается никаких приписок. Первой нашей опорой в вопросах достоверности является товарищ Гейдар Алиевич Алиев...»⁵⁵. Нетрудно догадаться, какая позиция предпочтительней.

Во-вторых, из этой цитаты исходят непоколебимые уверенность и оптимизм относительно возможности использования самых ненадежных источников. И сам Вересов доказал это, в частности, в книге «Историческая демография СССР», в которой подтвердились гипотетические оценки автора относительно прогноза на перспективу.

Фальсификация статистических данных проникла во все поры социального организма. Многие годы она скрывала нарастающее разбалансирование экономики. Недостоверная экономическая и социальная информация закладывалась в постановления съездов КПСС и пленумов ЦК. На ее основе принимались хозяйственные и политические решения. Даже в годы перестройки Государственный комитет по статистике традиционно продолжал «улучшать» показатели развития экономики.

На основе этих данных М.С. Горбачев в своем докладе на XXVII съезде КПСС отмечал, что «повысилась продуктивность земледелия и животноводства»⁵⁶, а на пленуме ЦК КПСС 25-26 июня 1987 г. он говорил об увеличении по сравнению с 1984 г. производства зерна (на 86 млн тонн), мяса, молока, яиц⁵⁷.

Сообщения Госкомстата СССР оставались поразительно бодрыми. Так, в сообщении «Об экономическом и социальном развитии СССР в первом полугодии 1988 года»⁵⁸ утверждалось, что «в народном хозяйстве СССР продолжали нарастать позитивные тенденции экономического и социального развития». Понятно, что отчет Госкомстата должен был иллюстрировать мудрость проводимой СССР политики. И он иллюстрировал: «по ряду важнейших показателей достигнуто ускорение». Госкомстат словно бы не видел и не ведал, что сама концепция социально-экономического ускорения оказалась бредовой и что нелепо не только иллюстрировать несуществующие результаты мнимого ускорения, но и говорить о самой идее ускорения.

Сообщения Госкомстата об оздоровлении экономики появлялись и в конце 1988 г. А между тем кризисные явления в народном хозяйстве нарастали, снабжение населения продовольствием ухудшалось. Так, по данным Госкомстата СССР в 1989 г. на душу на-

селения в стране потреблялось 65 кг мяса в год. Экономист Д. Валовой провел расчеты, которые этот показатель не подтвердили. Об итогах поиска этих 65 кг он писал: «Если потребовалось бы ввести карточки на мясо, то при нынешнем уровне импорта и структуре потребления мы можем обеспечить из госресурсов в месяц на душу населения лишь 1,2 кг мяса вместе с птицей»⁵⁹. Это примерно по 15 кг в год. Даже с учетом рыночных фондов ясно, что в официальных показателях много «липы». Из этого примера видно, как рискованно пользоваться данными официальной статистики.

Всегда вызывала недоверие статистика роста доходов трудящихся, выраженная в рублях. Особенно нелепо выглядит это утверждение при росте инфляции. Происходила щедрая раздача незаработанных рублей. Доходы вроде бы росли, но их рост не обеспечен товарами. Поэтому, когда в сводках Госкомстата встречается фраза типа «денежные доходы населения составили» или «среднемесячная зарплата рабочих и служащих достигла...», не верьте написанному, ибо это рост в ботву, купить на эти деньги было нечего.

Так, по Москве за 9 месяцев 1990 г. средняя зарплата в госсекторе выросла с 266 до 300 рублей и доход населения увеличился на 14%. Но он в значительной мере поглощен возросшими на 4% государственными ценами и на 35% - рыночными ценами. Цены росли в каждой области потребительского рынка - на одежду, обувь и пр. Если же перечислить это на цены черного рынка, где только и можно было отоварить зарплату, то показатели уровня жизни оказывались существенно ниже официальных⁶⁰.

Если мы откроем любой статистический справочник и посмотрим раздел «Внешняя торговля», то не найдем даже намека на поставки Советским Союзом оружия за рубли. От кого секрет? От западных разведок? Но если заглянуть в публикации Стокгольмского института по исследованию проблем мира, Лондонского института стратегических исследований, то можно обнаружить, что СССР довольно представительно участвовал в мировых поставках оружия. Так что это было секретом исключительно для советских людей. Он стал раскрываться лишь только после агрессии Ирака против Кувейта в 1990 г., когда выявилась роль СССР в вооружении Ирака.

Серьезные упущения содержит статистика народного образования. Основой развития системы народного образования является его материально-техническая база. Официальная статистика свидетельствует, что за годы десятой пятилетки в стране было введено 11,3 тыс. школ на 6,7 млн мест, за годы одиннадцатой пя-

тилетки - 8,7 тыс. школ на 5,2 млн мест. Архивы ГАРФ, хранящие материалы проверок ЦСУ СССР за 1980 г., свидетельствуют, что до 27% общего количества ученических мест в Киргизии, 25% - в Армении, 16% - в Узбекистане, 15% - в Туркменистане, 15% - в Белоруссии, 12% - в Молдавии фактически не были введены. До 35% ученических мест были сданы со значительными недоделками. Многие школьные здания числились лишь в отчетной документации, в реальной же жизни их не существовало.

Фальсифицированная статистика проникла далее в следственные органы. И здесь престижным стало не столько качество работы, сколько благополучная статистика. Не без участия самих следователей, не брезгуя и служебным давлением на них, статистику научились лакировать. Например, уровень раскрываемости преступлений зачастую повышали не через улучшение работы, а за счет укрытия от учета неочевидных преступлений и, напротив, регистрации инициативно выявленных правонарушений (чаще всего хулиганства)⁶¹.

Статистическая липа не обошла и спорт. При тщательной проверке вскрылось столько дутых отчетов, фиктивных сводок о массовости и мастерстве, что только диву даешься нашей былой и всеобщей любви к красивой цифре.

Известный академик С.С. Шаталин на заявление корреспондента газеты «Социалистическая индустрия» о том, что Госкомстату никто не верит, ответил: «Это величайшая драма нашей экономической науки - положение со статистикой. Одно искажено, дается отрывочно, другое просто замалчивается. У Госплана - собственная кухня, но он туда никого не пускает. Правительству предоставляется информация, достоверность которой проверить невозможно, поскольку ученым неизвестно, где она добыта. Стыдно сказать, о некоторых аспектах своей новой экономики мы узнаем из зарубежных источников». В заключение Шаталин заметил: «Статистика тоже нуждается в перестройке, притоке свежих молодых сил, нерастленных застойным периодом. Надо изменить само отношение к статистике. Желание выглядеть лучше, чем мы есть, - пагубно для общества... Пора, это, наконец, твердо усвоить»⁶². Здесь, бесспорно, можно подписаться под каждым словом.

Перестройка экономики требует прежде всего необходимости точного учета везде и во всем. До публикации полной и достоверной экономической статистики диагноз прошлых, нынешних и будущих экономических бед трудно ставить. И вообще, прежде чем приступить к экономическим реформам необходима была бы публикация экономической и финансовой статистики.

Кое-что, конечно, делалось. В 1988 г. были опубликованы некоторые данные судебной статистики за 1988 г., а в 1989 и 1990 гг. - сведения о преступности в СССР. Безусловно, это был прогрессивный шаг, но он требовал следующих тагов. Эти данные нуждаются в подкреплении их научно обоснованными исследованиями и сравнительными данными других государств. Без этого публикация подобных материалов малоэффективна.

Стала публиковаться секретная статистика об афганской войне. В «Правде» от 17 августа 1989 г. опубликованы данные Генерального штаба о потерях СССР с 1979 по 1989 гг. (по годам) в Афганистане.

Реальная статистика пела к открытиям, в то время для нас огорчительным. Большое значение имело признание у нас инфляции. Инфляция вошла в общественную жизнь после того, как осенью 1988 г. в докладах министра финансов и председателя Госплана были обнародованы сведения о несбалансированности союзного бюджета. Это признание, в свою очередь, повлекло за собой уточнение величины бюджетного дефицита. Первоначально его оценка была занижена и составляла 35 млрд рублей, затем она поднялась до 100 млрд. Потом открылось, что не 100, а 120 млрд рублей.

Само по себе это явление было очень сложным и новым для нашего общества. Точнее, для общественного сознания, а не для реальной жизни. Фактически мы из инфляции не выходили со времен первой мировой войны. И система советского тоталитарного режима боролась с ней своими, отнюдь не экономическими мерами. Об этом явлении много познавательного материала и информации к размышлению содержится в статье Б. Пинскера⁶³.

Появляется и уточняется, если можно так сказать, историческая статистика: о людских потерях в войнах, о числе репрессированных за годы советской власти, о числе жертв коллективизации и голода 30-х годов, о численности наших пленных, служивших в воинских частях фашистской Германии и т. д.

Изменял характер своей работы и Госкомстат СССР. С 1990 г. он значительно расширил границы доступной информации. Сразу после выхода закона «О предприятиях в СССР», предоставившего органам государственной статистики исключительное право устанавливать формы отчетности, комитет по собственной инициативе перестал собирать лишние данные. Это, в первую очередь, коснулось отчетности, характеризующей внутрихозяйственную деятельность предприятий. На начало июня 1990 г. в народном хозяйстве действовало 574 формы межотраслевой отчетности, затем их стало на 53 меньше.

Есть еще одна сторона советских статистических сведений - возможность ее сопоставления с мировыми данными. Пока мно-

гое просто несопоставимо, и прежде всего, методология подсчета. Имеет значение и конвертируемость валюты, и качество выпущенных товаров. Последнее в пашей статистике не бралось даже в расчет.

Например, подсчеты величины национального дохода на душу населения, сообщавшиеся советскими статистическими учреждениями, не выдерживают никакой критики. Согласно данным, опубликованным в сборнике «Народное хозяйство СССР за 60 лет» (М., 1977), среднедушевой доход в СССР в 1976 г. был выше, чем в ряде зарубежных стран (таких, как ФРГ, Дания, Нидерланды, Бельгия, Великобритания, Италия и др.), и составлял 56% от уровня такого же дохода в США.

Почти такую же величину - 55% от уровня дохода в США - предлагал и статистический сборник «СССР и зарубежные страны. 1987» (М., 1988), в котором впервые за последние годы советского государства в открытой печати были обнародованы данные о размере национального дохода СССР и некоторых других стран. Эти сведения, конечно, качественнее, чем в иных справочниках. Однако сохранение прежних «принятых в статистике СССР» методологии и методики расчетов приводят к непостижимым парадоксам. Так, этот сборник явно завышал тот же показатель СССР по отношению ко всем странам: 55% от уровня США, 67% - Японии, 82% - Нидерландов, 88% - Финляндии, 75% - Швеции и т. д. Таким образом, приукрашая действительность, официальная советская статистика пыталась сохранить миф о «высокоразвитой» советской державе.

ГЛАВА 8

Материалы планирования развития народного хозяйства

СОВЕТСКАЯ эпоха породила новый комплекс документов - материалы планирования развития народного хозяйства⁶⁴. Планы являлись многоаспектными документами, отражавшими не только историю становления теории и практики планирования, но и дававшие широкий спектр информации об экономической политике государства, уровне развития экономических знаний, о производственном состоянии отраслей народного хозяйства и др.

Планирование и пятилетние планы развития народного хозяйства являлись необходимой важнейшей стороной жизни не только государства, но и неотъемлемой частью нас самих. Выпол-